российский фонд помощи/www.rusfond.ru

Лев Амбиндер
РУКОВОДИТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Русский резерв Морша

Пересадка неродственного костного мозга Артему Баландину может состояться уже в январе будущего года. 29 сентября „Ъ“ рассказал историю трехлетнего малыша из Перми, пораженного тяжелым лейкозом, единственный шанс на спасение от которого дает трансплантация. Дорогие друзья, вы дали этот шанс Артему! Более того, собранных 1,66 млн руб. хватит на поиск донора в немецком Фонде Морша и для семилетнего томича Вани Бориса, да еще немного останется. Поиск донора для Вани займет три-четыре месяца. В связи с этим и с учетом «излишка» есть идея: создать в Германии спецсчет «Русский резерв Морша».

В таких экстренных случаях, как с Артемом, говорит доктор Михаил Масчан из Российской детской клинической больницы (РДКБ), доноров удается разыскать за два-три месяца. А у Вани Бориса «заболевание тяжелое, но не злокачественное по природе, оно не прогрессирует». Врачи поддерживают мальчика с помощью переливания крови. «Без трансплантации Ваня останется навсегда привязанным к нам. Ему дважды в неделю надо переливать тромбоциты, и отойти от клиники далее чем на 1000 метров он не может»,— пояснил доктор Масчан. На поиск доноров для таких, как Ваня, уходит, как правило, три-четыре месяца.

И вот идея «Русского резерва Морша». От сборов для Артема после Ваниных платежей остается еще €2 тыс. Если открыть в Фонде Морша спецсчет, положить туда эти две тысячи, а затем доложить еще €13 тыс. (тут мы рассчитываем на читателей), то получится резерв, который сэкономит следующему малышу как минимум месяц на поиске донора. И это будет постоянно пополняемый резерв, неразменные €15 тыс.— стандартная цена получения неродственного костного мозга.

Смотрите, что происходит сейчас. Нашему фонду необходимо две недели на отбор героя очередной публикации, экспертизу его документов и подготовку материалов в печать. Еще две недели длятся читательские сборы. То есть месяц на все про все. Ежегодно мы публикуем истории пяти—семи пациентов Михаила Масчана. Очевидно же: будь у нас в Германии постоянный резерв, поиск донора для Артема начался бы как минимум на месяц раньше. И кто знает, может, к Рождеству его трансплантация и все страхи были бы позади.

В РДКБ идея понравилась. Договорились: на следующей неделе появится тройственное соглашение РФП—РДКБ—Фонд Морша, а с ним и счет. 20 октября мы готовы будем сообщить реквизиты спецсчета «Русский резерв Морша» всем, кому дороги судьбы именно детей с лейкозами, чей шанс на спасение — чужой костный мозг. Единственный и очень реальный шанс. Так что звоните, пишите, требуйте спецсчет «Русский резерв Морша», если готовы отправить любую сумму в евро. Если же у вас рубли и нет желания заниматься конвертацией, то можно отправить перевод на счет нашего благотворительного фонда «Помощь». Как всегда, ваши деньги здесь конвертируют и переведут в Германию. Как всегда, отчеты о переводах мы предоставим по первому требованию.

А теперь о том, что удалось сделать в последние недели.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца Наде Дороговой (4 года, 186 600 руб., Томская обл.), Дане Кравчуку (2 месяца от роду, 47 тыс. руб., Санкт-Петербург); операции по поводу сколиоза Свете Верх (10 лет, 185 384 руб., Амурская обл.), Яне Урюпиной (16 лет, 78 тыс. руб., Санкт-Петербург), Вере Удоденко (18 лет, 185 384 руб., Новосибирская обл.); лечение детского церебрального паралича Мише Сысоеву (4 года, 143 100 руб., Калининградская обл.), Вадику Гусеву (3 года, 150 400 руб., Москва); челюстно-лицевые операции Ане Морозовой (6 лет, 145 тыс. руб., Саратовская обл.), Жене Кудряшову (12 лет, 125 тыс. руб., Мордовия), Даше Довлетмурадовой (14 лет, 105 тыс. руб., Туркмения), Наде Калачевой (16 лет, 115 тыс. руб., Нижегородская обл.).

Отправлено: 146 тыс. руб. на операцию по поводу паралича Эрба-Дюшена Ире Левашовой (1 год, Ярославская обл.); 55 800 руб. на ремонт жилья, бытовую технику, зимнюю одежду и обувь семье Ирины Толкачевой (45 лет, вдова, 4 детей, Ставропольский край); вещевые посылки семьям Савельевых и Абакумовых (Ставропольский край), Самариных и Каргаполовых (Ульяновская обл.), Усатовых (Архангельская обл.), Надыровых (Псковская обл.), Кадуковых (Белгородская обл.), Сиразетдиновых (Кемеровская обл.).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США), Анна (Англия), Игорь (Женева, Швейцария), Виктория от руководителя, Светлана от компании, фирма БЭСКИТ, Алексей и Анна, Кирилл, Дмитрий, Марианна, Александр, Сергей (все — Санкт-Петербург), Айрат (Казань), Равиль (Тольятти Самарской обл.), Радик Минигалиевич (Омск), Татьяна и Артем (Ярославль), Инесса (Алексин Тульской обл.), Владимир и Вера (Калуга), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО «Русь-банк» и сотрудники банка, ЗАО «Эконацбанк», благотворительный фонд «Джойнт», фонд «Созидание», ЗАО «ТПГ „Кунцево“», Герман, Вадим Черменович, Борис Николаевич, Валерий Геннадьевич, два Алексея, Светлана от руководителя Александра Владимировича, Рамиль, три Сергея, Марина, Таисия, Константин, Элеонора, Ева и Михаил, Ольга, две Марии, Александр Семенович, Юлия, Наталья, четыре Александра, Ольга Николаевна, Дмитрий, Наталья и Дмитрий, Анна, Аркадий, Игорь, два Андрея, Виктория, Филипп, Максим, Евгения, Екатерина, Виктор, Нина Валентиновна, Наталья Викторовна, Николай Александрович, Светлана, Антон, Людмила, Олег (все — Москва).

Спасибо!

Владику Летуеву нужна новая почка

Хроническая почечная недостаточность все равно бы развилась у Владика Летуева рано или поздно. Если бы болезнь обнаружили во младенчестве и вовремя сделали операцию, мальчик жил бы без забот лет до двадцати. Тогда ему все равно пришлось бы пересаживать почку. И, может быть, к тому времени трансплантология в России наладилась бы. Но мальчику восемь лет. Его не прооперировали во младенчестве. И ему нужна трансплантация почки прямо сейчас.

Мы идем с Владиком по коридору Российской детской клинической больницы. Эти коридоры похожи на лабиринт, и я давно уже заблудился. А Владик шагает рядом и рассказывает мне, что первым делом разузнал, где в больнице располагаются какие торговые точки.

— Что располагается?— переспрашиваю я.

— Ну, торговые точки. Ну, там магазины всякие, киоски, кафе. Я тут три раза в неделю по утрам хожу в школу, а из школы иду в торговую точку и покупаю себе что-нибудь. Ну, пирожное, или кока-колу, или жвачку. А когда я все это съедаю, я иду в палату отдыхать.

— А разве тебе можно,— спрашиваю я,— все эти вредные для здоровья вкусности?

— Конечно, можно! — мальчик отвечает, не задумываясь.— Я же очень хорошо себя чувствую.

— Так зачем же ты лежишь в больнице, если хорошо себя чувствуешь?

— Ну, мне нужно почку новую пересадить.

— Зачем? — спрашиваю.

— Ну, та почка, которая у меня есть, она уже старая.

— Вообще-то у человека две почки?

— Нет, у меня одна. И она уже старая. И надо ее поменять на новую, а то она уже старая очень.

Ему восемь лет. Он не понимает, что с ним. Он правильно говорит, что у него одна почка. Вторую ему действительно удалили, потому что она умерла. Он не понимает, что чувствует себя хорошо, потому что лежит на диализе. Он не понимает, что оставшаяся у него единственная почка год назад была жива на 15%, а теперь умерла и она. Он говорит, что ему нужно сменить почку, с такой же легкостью, как если бы ему нужно было сменить майку. Он думает, будто все дети, сходив на пару уроков и прогулявшись до киоска, так устают, что надо лечь и отдохнуть. Он не замечает, что у других детей лица розовые, а у него лицо желтое. Он, наверное, редко смотрит в зеркало. Он с гордостью показывает мне гемодиализную машину, стоящую на тумбочке возле его кровати, и не понимает, что эта машина живет за него.

Мама отпускает его одного в школу и в киоск. Она говорит, что, когда Владик выходит из палаты, она представляет себе своего мальчика здоровым. Когда мальчик ходит в школу или в киоск, его мама думает, будто вот он там где-то идет по коридору, и у него розовые щеки, и он не устает от ходьбы. И вот сейчас он купит себе пирожное и колу, вернется, откроет дверь, а у него розовые щеки. И окажется вдруг, что все эти обследования, больницы, операции — это был просто дурной сон. Можно сдать анализы, убедиться, что болезнь сына была просто дурным сном, и ехать домой в Питер. Дверь в палату открывается, мы с Владиком входим, и у него желтое лицо, и его болезнь не дурной сон. И его мама плачет. Она плачет каждый раз, когда видит сына. Она до сих пор не может поверить. И если она закроет глаза и представит себе Владика, то она представит его себе здоровым.

АЛЕКСАНДР МИНДЛОВ

Владику восемь лет. Он не понимает, что с ним. Он правильно говорит, что у него одна почка. Он не понимает, что эта единственная почка год назад была жива на 15%, а теперь умерла и она. Он говорит, что ему нужно сменить почку, с такой же легкостью, как если бы ему нужно было сменить майку

Доктор говорит, что вероятность благоприятного исхода трансплантации почки — 99,9%. Доктор говорит, что, если будет почка и если будут лекарства на реабилитационный период, мальчик почти наверняка выживет, и практически выздоровеет, и будет жить нормальной жизнью.

Но почку достать трудно, потому что после идиотских и псевдодокументальных киностращилок про трансплантологию врачи-реаниматологи боятся допускать врачей-трансплантологов к трупам, у которых можно было бы забрать почку. И по представлению прокуратуры запрещено забирать почки у трупов в Московской области. Такой забор донорских органов прокуратура посчитала незаконным на том основании, что закон разрешает брать донорские органы в «государственных лечебных учреждениях», а подмосковные больницы — муниципальные. Доктор говорит, что в позапрошлом году сделал 39 трансплантаций, в прошлом — 33, а в нынешнем — всего 17 из-за этого трансплантологического скандала по телевизору. Но он надеется, что для Владика найдется почка. Может быть, в Волгограде, или в Петербурге, или в военном госпитале Бурденко, потому что на военную медицину не распространяется антитрансплантологический бред телерепортеров.

— Можно я пойду поиграю? — встревает Владик, которому, кажется, надоело слушать наши взрослые разговоры.

— Во что ты пойдешь играть? — спрашиваю.

— В лото на деньги. Выиграю много денег.

Владик показывает мне коробочку с монетками, которые он выиграл у старших ребят в лото.

Он знает, что ему нужны деньги, чтобы поскорее выйти из больницы. Деньги нужны на послеоперационный период, на лекарства, благодаря которым организм ребенка не отторгнет донорскую почку. На антитимоцитарный глобулин. Государство обеспечивает детей антитимоцитарным глобулином. Но это лошадиный глобулин. А нужен человеческий.

Валерий Панюшкин

ДЛЯ СПАСЕНИЯ ВЛАДИКА ЛЕТУЕВА НЕ ХВАТАЕТ 778 985 РУБ.

Как заявил нам заведующий отделением трансплантации Российской детской клинической больницы (РДКБ) Алексей Валов, «у Владика врожденная аномалия развития мочевыводящих путей и хроническая почечная недостаточность». Два месяца назад, когда Владика госпитализировали в РДКБ, его состояние «было крайне тяжелым: не работали обе почки, были сильные отеки». Ему удалили левую почку, там «шел ярко выраженный воспалительный процесс». Сейчас состояние мальчика стабилизировалось. Ему делают перитонеальный диализ: растворы через катетеры заливаются в брюшную полость. По мнению врачей, для детей этот вид диализа предпочтительнее.

Владику срочно нужна чужая почка, это понимают все, и родители малыша в том числе. Это должна быть трансплантация от трупного донора. Без нее мальчик обречен на жизнь «при диализе». Чужая почка, как правило, «живет» в реципиенте до 25 лет. Целая четверть века нормальной жизни.

За последние пять лет в отделении доктора Валова проведено 150 трансплантаций почки от трупных доноров. И только 9 были повторными. «И троих из 150 детей мы потеряли»,— говорит Алексей Валов. Срок ожидания донора не превышает полугода. Обычно его находят за три-четыре месяца.

Сама пересадка бесплатна. Но она неэффективна без пред- и послеоперационной специальной терапии (препараты семи наименований).

Эта терапия обойдется в 1061 330 руб. Таких лекарств нет в РДКБ, а у Летуевых нет таких денег. Отец Владика Игорь врач, заведует отделением реанимации в роддоме № 6 Санкт-Петербурга.

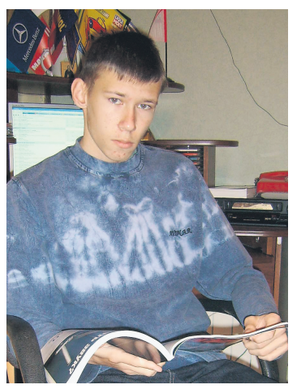
Как всегда, наш постоянный партнер инвестиционная группа «Капиталъ» внесет $10,5 тыс. (подробности — на сайте www.rusfond.ru). То есть для спасения Владика Летуева не хватает 778 985 руб. Мы отобрали в Москве поставщика препаратов с оптимальными ценами. Это надежный, проверенный нашим фондом поставщик. Он умеет с благодарностью принимать любые, даже самые небольшие пожертвования. Сейчас как раз тот случай — каждый рубль дорог.

Реквизиты поставщика есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Человеческий «Фактор»

Можно сказать, что Сережа Севастьянов из Ульяновска — обычный 18-летний парень. Любит машины и компьютер. Сочетает эту любовь, играя в автогонки. Я видел, как у него это получается: ему полицейские с монитора честь отдают. Умный, развитый, по-моему, пессимист. Может, это возрастное. А может, потому, что у Сережи гемофилия, несвертываемость крови. Читатели „Ъ“ спасали ему жизнь в течение пяти лет. У вас это здорово получилось.



С 2005 года «Фактор-9» Сереже покупает государство. Тут бы и сказать про счастливый конец. Но перебои в госпоставках привели Сережу вновь в больницу. Но сейчас все опять хорошо
ФОТО МИХАИЛА РОССОШАНСКОГО

Можно сказать, что и родители у Сережи самые обычные. Иван и Алла — инженеры на УАЗе. Приехали в Ульяновск из Казани, да так и остались. Родился сын. Рост-вес в порядке. Только самого ребенка показать не принесли. Потом все же принесли, но испуганно сказали: что-то с кровью не так.

Чего только не пережили самые обычные Сережины родители. Представьте, вот бежит ваш двухгодовалый мальчик по двору и падает. Ну что тут, казалось, поделаешь: подняли, отряхнули, поцеловали, успокоили, побежал дальше. А у Сережи после такого падения синяк на все лицо не сходил месяц.

Мама и папа успокаивали Сережу, когда тот от боли в суставах плакал ночами напролет. Покупали ему хоккейные щитки, чтобы коленями не ударялся. И смотрели, как их ребенка тошнит от закачанных в него литров плазмы. У обычного человека показатель свертываемости крови 50%, очень опасный — около 5%. У Сережи этот показатель был от 0,99 до 1,44%, Так и жили.

Лет тринадцать назад в России впервые появился препарат «Фактор-9». Гораздо более эффективный, чем плазма. Годовое лечение стоит примерно $15 тыс. И все очень просто: есть флаконы с «Фактором» — ребенок здоров. Нет — он сидит в инвалидной коляске, ему очень больно, и он может скоро умереть.

Вот только «Фактор» не по карману.

Что делали самые обычные Сережины родители, чтобы достать своему сыну лекарство? Ссуды, кредиты, сбор средств через заводскую многотиражку — это даже не в счет. Отец, плюнув на субординацию, подошел к приехавшему на УАЗ важному представителю немецкого автопрома и рассказал о своей беде. Флаконы с «Фактором» некоторое время приходили Сереже из Германии.

Сережина мама пришла к ульяновскому мэру Виталию Марусину на прием в пять утра. Прознала, что есть у мэра привычка появляться на работе чуть ли не с рассветом. «Женщина, вы как здесь?» — только и смог вымолвить ошарашенный градоначальник. Деньгами помог.

А иногда после звонка знакомых врачей из Москвы приходилось срочно собираться и полсуток гнать на машине в Москву за заветным лекарством.

В 2000 году Сережин отец первый раз написал о беде своего сына в Российский фонд помощи. И на протяжении пяти лет вы помогали этой стойкой ульяновской семье. Кроме всего прочего оплатили Сереже покупку компьютера. Благодаря вам парень смог нормально жить: окончил школу, поступил в Ульяновский политехнический университет, на факультет ЭВМ.

— Жаль только, что в футбол так ни разу и не сыграл,— говорит Сережа.

Родители, конечно, согласно кивают. Но им, по-моему, не так жаль.

С 2005 года «Фактор-9» гемофиликам стало оплачивать государство. Необходимость в вашей помощи, дорогие друзья читатели, отпала. Тут бы и сказать про счастливый конец. Но перебои с госпоставками «Фактора» привели Сережу в больницу, а потом и в академический отпуск — до февраля. Но сейчас все опять хорошо.

Темнеет здесь рано. Мы сидим с Сережей за его компьютером, смотрим фотографии Ульяновска. Вид сверху. «Красиво как,— ворчит паренек.— Кто бы мог подумать». В Ульяновске ему не нравится. Как-то некомфортно ему в городе, где по вечерам полутемные улицы и не очень много трезвых людей.

— Заканчивай свой университет, приезжай в Москву,— говорю я ему.— Здесь такие, как ты, не пропадают.

— В моем положении я предпочитаю не строить глобальных планов,— очень так серьезно отвечает он. И вдруг широко улыбается.

Ну не такой уж он и пессимист. Строит он планы, еще как строит. И глобальные в том числе. По загоревшимся глазам видно, по расспросам о Москве.

Андрей Козенко

Из свежей почты

Маша Ефимкина, 3 года, органическое поражение нервной системы, требуется курсовое лечение. 150 400 руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 47 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 103 400 руб.

Я ждала двойню, беременность была тяжелой, а роды раньше срока. Мои девочки задохнулись. Одна вскоре умерла. А Машу трижды оперировали по поводу ретинопатии недоношенных (отслоение сетчатки). Судороги у Маши с двух лет. А после двух курсов в Институте медтехнологий (ИМТ) Машутка стала крепче и общительней, даже зрение улучшилось. А в марте новая операция: перитонит и язва желудка. Курсы в ИМТ прервали: Маша очень ослабла. Сейчас можно продолжить, а денег совсем нет. Руки и ноги у Машеньки в спастике, речь не понимает, сама лишь лепечет. Зато с детьми играть любит, музыку с удовольствием слушает, узнает всех по голосу. Нам очень нужна ваша помощь! Я из-за Маши не работаю, а муж водителем получает 15 тыс. руб. Еще есть дочь Катя, первоклассница. Живем в квартире с моими родителями и сестрой. *Оксана Ефимкина, Москва.*

Врач ИМТ Ольга Рымарева: «К нам Маша попала в тяжелом состоянии, но после лечения появились навыки самообслуживания, улучшилось понимание речи, она стала сидеть с опорой. Двух курсов явно мало. Надо добиться развития двигательных функций и интеллекта».

Даша Крылова, 13 лет, прогрессирующий сколиоз, спасет операция с применением металлокорректора, 74 000 руб.

Даша много болела в детстве, простуда за простудой. Пришлось мне оставить работу и с ней дома сидеть, в детсад ее не брали. В школе Даша болеет меньше. Только года два назад я заметила, что у дочки одно плечо выше другого. Повела к врачу, он сказал: это сколиоз. Сразу поставили третью степень. Начались походы по врачам. Из районной больницы в областную, из санатория в профилакторий. Только лучше не становилось, спина искривлялась прямо на глазах. Знакомые посоветовали ехать в Петербург, в Институт имени Турнера. А там предложили сделать операцию, потому что никаким другим способом дочку уже не вылечить. Нужна металлоконструкция, чтобы выпрямить и укрепить позвоночник, а денег на нее у нас нет. Я получаю 1800 руб., муж столько же. Живем в своем доме с родителями-пенсионерами. Помогите нам, пожалуйста, очень просим. *Наталья Крылова, Тверская область.*

Замдиректора Института имени Турнера Сергей Виссарионов (Петербург): «Болезнь быстро прогрессирует, заметный реберный горб. Уже наблюдается дыхательная недостаточность. Операция — единственный путь избежать тяжелых осложнений».

Даня Манец, 2 года, посттравматическая нейропатия правого лицевого нерва, нужна операция. 47 000 руб.

5 ноября 2005 года вспоминаю с ужасом. Мы приехали к моей маме. Бабушка вышла с Даней погулять, а тут сорвалась с цепи ее овчарка, схватила ребенка за голову и потащила в огород. Я в окно увидела, что мама лежит на земле, закрыв малыша, а пес тащит из-под нее Даню. Собаку пристрелили. Даня потерял много крови. Укусы возле глаза, ухо оторвано. В краевой больнице зашили раны и пришили ухо. Из-за поврежденного лицевого нерва у малыша парализована правая половина лица, при операции сильно сужен слуховой проход. Даня не может улыбаться, есть и говорить, глаз не закрывается. В Хабаровске нерв не восстановить. Оперировать берется профессор Рогинский. Райздрав обещает оплатить проезд в Москву, но за операцию не заплатит. А нам эту стоимость не осилить: мы сотрудники МВД. Квартира ведомственная, ее не продать. На вас вся надежда! *Елена Манец, Хабаровский край.*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Мы пересадим нерв с голени или шеи в область правой половины лица. Даню ждет долгая реабилитация, надо заново научить мускулы работать. Но перспективы у мальчика хорошие».

Людмила Пономарева, 39 лет, вдова чернобыльца, двое детей, нужна оргтехника. 46 550 руб.

Мой муж был ликвидатором в Чернобыле, работал на самом реакторе. Вернулся и вскоре умер в 34 года. Ребята наши погодки, Мише 12, Алеше 11 лет. Облучение отца сказалось и на их здоровье: у обоих порок сердца, хронический гастрит. Раз в полгода мальчиков кладут на обследование. А еще ездим в Москву, в Центр противорадиационной защиты НИИ педиатрии. Деньги на дорогу и лечение собираю по рублю. Работаю в школе, полставки лаборанта и полставки секретаря — это 1600 руб. Пенсии по потере кормильца по 1412 руб. на сына, плюс 185 руб. чернобыльской компенсации на двоих и столько же «детские». Был бы компьютер, я бы подрабатывала. В школу часто заглядывают выпускники, поступившие в вузы, то курсовую набрать, то реферат. Есть студенты, готовые постоянно снабжать меня работой на 4000 руб. в месяц, было бы такое облегчение. Не могли бы вы помочь в приобретении ПК с принтером? *Людмила Пономарева, Смоленская область.*

Начальник райсоцзащиты Светлана Иванова: «Семья очень порядочная. Живут в панельном доме. В квартире чисто, но бедно, все старенькое. Людмиле 39 лет. Мужа похоронила, дети болеют. В районе вообще с работой плохо, а в школе платят копейки. Помогите ей!»

Женя Малахов, 8 месяцев от роду, врожденный порок сердца, спасет операция. 191 196 руб.
Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес $2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 123 281 руб.

Мы безмерно благодарны вам за помощь в оплате экстренной операции по коррекции тяжелого врожденного порока сердца у нашего новорожденного сына. 15 марта Женечку успешно прооперировали, малыш начал хорошо кушать и расти. Но это лишь начальный этап лечения. Второй запланирован на осень. Без этих операций не будет и нашего мальчика. В Казахстане такие операции не делают, за жизнь Жени борются томские хирурги. Благодаря поддержке близких мы оплатим проезд и госпитализацию, но цена операции для нас неподъемна. Мы решили вновь просить вас о помощи, в материальном плане у нас ничего не изменилось: трое детей и одна зарплата мужа 21 600 тенге (около 4800 руб.). Не дай бог никому пережить страх за жизнь своего ребенка! *Елена Малахова, Казахстан.*

Ведущий специалист НИИ кардиологии ТНЦ РАМН Сергей Иванов (Томск): «У Жени очень серьезный порок: атрезия трехстворчатого клапана, перевернутые сосуды. Первую операцию и реабилитацию малыш перенес хорошо. Сейчас время для нормализации кровотока между верхней полой веной и легочной артерией. Завершающий этап планируем года через три».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $12,3 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (495) 943–91–35, 158–69–04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».